

циально присущие ему самому силы, «запускающие» механизмы личностного развития, стимулирующие в нем духовную работу, раскрепощающие его душевную и интеллектуальную энергию.

Литература

1. Вольфила // Жизнь. 1922. № 1. С. 174. Цит. по: Семенова, С.Г. Основные философские объединения. Высылка мыслителей / С.Г. Семенова // Философский контекст русской литературы 1920-1930-х годов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 50-78.
2. Замятин, Е.И. Автобиография / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. Вступ. ст. Ст.С. Никоненко. – М.: Русская книга, 2003. – С. 21-28.
3. Замятин, Е.И. Автобиография / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Лица / Сост., подгот. текста и коммент. Ст.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – М.: Русская книга, 2004. – С. 3-12.
4. Замятин, Е.И. Воспоминания о Блоке / Е.И. Замятин. Там же. – С. 13-23.
5. Замятин, Е.И. Белая любовь / Е.И. Замятин. Там же. – С. 24-29.
6. Замятин, Е.И. Завтра / Е.И. Замятин. Там же. – С. 114-115.
7. Замятин, Е.И. Цель / Е.И. Замятин. Там же. – С. 116-119.
8. Замятин, Е.И. О сегодняшнем и о современном / Е.И. Замятин. Там же. – С. 140-153.
9. Замятин, Е.И. Закулисы / Е.И. Замятин. Там же. – С. 187-204.
10. Замятин, Е.И. Кино / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Беседы еретика / Сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. – М.: Дмитрий Сечин, Республика, 2010. – С. 259.
11. Замятин, Е.И. Беседы еретика. О червях / Е.И. Замятин. Там же. – С. 312-314.
12. Замятин, Е.И. О сюжете и фабуле. О фабуле / Е.И. Замятин. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Трудное мастерство / Сост., подгот. текста, коммент. С.С. Никоненко, А.Н. Тюрина. – М.: Республика, Дмитрий Сечин, 2011. – С. 327-333.
13. Замятин, Е.И. Художник и общественность / Е.И. Замятин. Там же. – С. 389-390.
14. Зенкин С. Священно ли завещанное? Полемиические заметки об одной эстетической традиции / С. Зенкин // Литературное обозрение. – 1989. – № 7. – С. 89-95.
15. Скорospelова, Е.Б. Возвращение / Е.Б. Скорospelова // Е.И. Замятин: pro et contra, антология / Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скорospelовой. – СПб.: РХГА, 2014. – С. 10-22.

T.N. Churlyaeva

Novosibirsk State Technical University

e-mail: churlaeva@ngs.ru

Cultural cooperation of E. Zamyatin as a value principle of creative activity

Key words: E. Zamyatin, literary, critical and journalistic activity, proletarian art, new reader, the role of a writer, moral and aesthetic potential.

The article reveals E. Zamyatin's understanding of the social role of the writer in the context of the emerging proletarian culture; attention is paid to the literary, critical and journalistic activities of the writer, aimed at a critical analysis of the state of new art and literature; substantiates the moral and aesthetic position of E. Zamyatin, regarding the "organizing role of art."

В.В. Шадурский

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

e-mail: shadvlad@mail.ru

УДК 821.161.1(1-87)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПИСАТЕЛЯ МАРКА АЛДАНОВА

Ключевые слова: Марк Алданов, эмиграция, этические ценности, мировидение, Достоевский, Толстой.

В статье показывается, как рецепция русской классической литературы XIX века помогла Алданову лучше выразить его аксиологию и мировидение в жанре романа. Содержание романов Алданова соответствовало экзистенциальным запросам современников-эмигрантов, переживших исторические катастрофы и оказавшихся без веры.

Алданов создал эклектичный, оригинальный стиль – для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков. Этот стиль позволил объединить приемы Достоевского и Толстого. Алданов преобразовал традиции русской классики, чтобы расположить к себе массового читателя.

М.А. Алданова (1886–1957) называют не только «одним из самых эрудированных писателей первой волны эмиграции», но и человеком, «способствовавшим интеллектуализации искусства 1920–1950-х гг.» [7, 440]. Очевидно, что химик, публицист, литературный критик, романист, чьи произведения переведены на более чем 20 иностранных языков, который много раз выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, ценен не только своим литературным престижем у эмигрантов.

Важно понять, чем же было наполнено его творчество, если сам Алданов стал очень авторитетной фигурой в литературе. По нашим наблюдениям, ценностные ориентиры писателя определены несколькими важными обстоятельствами.

Во-первых, этические ценности Алданова были обусловлены спецификой его происхождения, воспитания и образования. Во-вторых, мировидение писателя определялось осмыслением и переживанием событий начала XX века, а также постоянно расширялось и усложнялось за счет постоянного анализа политических событий, событий истории, интереса к философии, к естественным и точным наукам, к масонству. В-третьих, эстетический вкус Алданова во многом определен русской литературной традицией, в особенности традицией русской классической литературы XIX века, и литературный талант писателя развивался не только в условиях эмиграции, но и в условиях постоянно ориентира на классическую русскую литературу, в частности, на творчество Л.Н. Толстого и А.П. Чехова.

Обстоятельства, которые способствовали формированию этических ценностей Алданова в годы юности и молодости, были максимально благоприятны для того, чтобы сформировалась личность независимого, внутренне цельного человека. Рожденный в Киеве в богатой еврейской семье, он получил прекрасное образование (киевская классическая гимназия, Киевский Императорский университет им. Св. Владимира, специализация по физической химии во Франции), путешествовал по миру (побывал в четырех частях света), смог пообщаться с неординарными современниками (учеными, политиками, царственными особами). Выпадение из еврейской среды, воспитание в русской атмосфере, включенность в европейский контекст жизни (Алданов стал счастливым знатоком нескольких европейских языков) – все это вехи, благодаря которым он сформировался и как ценитель культуры имперской России, и как ценитель культуры Франции, Англии, Германии. Ассимилированный еврейский интеллигент был эрудитом, совместившим многое – замороженность этикетом русского дворянства и успехами западной демократии, интерес к открытиям химиков и к литературе современников, увлеченность философией и страсть к астрологии.

Кодекс чести, который Алданов словно унаследовал из XIX века, выдержал испытание несколькими русскими революциями, тремя войнами, – всеми катастрофическими событиями, которые писателю суждено было пережить. Этот кодекс чести содержал ориентиры как для его личной, так и для творческой жизни. Сформированный нравственный потенциал позволил Алданову не только сохранять на высоком уровне личный авторитет, но и заботиться о репутации всех писателей эмиграции.

Алданов тщательно скрывал факты своей биографии, не оставил мемуаров, ограничил публикации архивных документов, и потому исследователи его творчества вынуждены лишь предполагать о событиях его жизни. Отдельные детали личной жизни Алданова можно увидеть только в его письмах, очерках, но эти детали никогда не были предметом авторского изображения, потому реконструировать по ним биографию писателя необыкновенно сложно. Опирается разве что на сведения обширной переписки писателя, информацию нескольких летописей эмигрантской жизни [10], [11]; наиболее точным и хронологически выстроенным является биографический материал «Основные даты жизни и творчества», подготовленный Т.И. Дроновой [7, 525–532]. М.Уральский отмечал, что кроме всевозможных предположений, есть «<...> объективные факторы, сильно осложняющие поиск биографических подробностей жизни Алданова. Во-первых, он два раза терял свои архивы – при бегстве из России от большевиков и при бегстве из Франции от немцев. Во-вторых, что представляется особенно важным, Алданов по характеру был человек скрытный, тщательно оберегающий от посторонних глаз свою личную жизнь» [13]. Исповедальность и автобиографичность – это не те черты, которые свойственны художественной прозе Алданова, руководствовавшегося принципом: «В морали, как в искусстве, надо иметь чувство меры, надо знать, где кончается законная правда жизни и где начинается духовная порнография» [4, 107].

Становление личности Алданова на перекрестье культур, знакомство с миром и постижение истории привело к выбору пути жизни, лишенному религиозного содержания. Более того, в эмиграции Алданов проявил себя как деятельный масон: был основателем парижских лож «Северная звезда» (1924 г.) и «Свободная Россия» (1931 г.). Об экзистенциальной необходимости заполнить пустоту неверующего человека Алданов в своих произведениях писал часто, так, в романе «Заговор» говорится о Талызине: «Он в масонстве видел тот компромисс свободомыслия с верой, который допускался просвещенными людьми» [3, 205]. Талызин – не только исторический деятель, но и положительный персонаж романа, идеями поведению которого автор симпатизирует. Н.Берберова в своих мемуарах остроумно заметила в отношении другого знаменитого писателя-масона: «М.А. Осоргин... признался мне, что в Париже недавно восстановлена московская масонская ложа, и он не помнит себя от радости. Почему? Да потому что он – неверующий человек – ужасно любит всякие ритуалы и считает, что каждому человеку они необходимы: они дают чувствовать общность, соборность, в них играют роль всякие священные предметы, в них красота и иерархия» [5, 7]. Жизненную необходимость разнообразных ритуалов в культуре современного человека Алданов показал на примере персонажей своего романа «Живи как хочешь», где слово «ритуал» в разных контекстах употреблено 27 раз. Для него важна не запутанность и сложность культурной жизни человека, а ее важная созидательная, одухотворяющая роль. Алданов не любил уп-

ростителей жизни, вроде политиков, ориентированных на Маркса, и обычных граждан, увлеченных Фрейдом, ведь благонамеренность Маркса и Фрейда не привела общество к успеху; по словам Ж. Старобинского, «и тот, и другой, решившись действовать как ученые, стараются обнаружить в человеке, в обществе скрытую основу, что-то *тайное*, но основное – простейшую субстанцию, первоэлемент, материальные связи, определяющие отношения человека с миром и с себе подобными» [12, 52]. Алданов же, при всем знании сущности человека, не разлагает эту сущность до ноля, понимая, что есть нечто необъяснимое в гении Микеланджело, Ломоносова, Байрона, Наполеона, Толстого и обычного человека. И потому даже в художественных образах отрицательных для него исторических деятелей – Нерон, Ленин, Сталин, Муссолини, Гитлер – обнаруживается нечто притягательное, объясняющее чарующую силу зла и ненависти.

Художественный мир прозы Алданова формировался под воздействием философии Декарта, философии случая. Многие алдановеды именно с этой философией связывают пафос ироники и скепсиса большинства произведений автора. Вместе с тем мы склоняемся к мысли о том, что рациональное, трагическое постижение мира вовсе не становится доминирующей основой художественных образов Алданова, и его пессимизм не означает осознания мрачного и беспросветного бытия, «исторический пессимизм Алданова глубже толстовского» [8, 287]. У Толстого в художественном способе изображения жизни философия более глубокая, чем та философия истории, которая декларирована. Так и у Алданова: его публицистические диалоги «Армагеддон», книга документальных очерков «Огонь и дым», книга философских диалогов «Ульмская ночь» – это декларация идей и принципов в безобразной форме. Но как только эти идеи приобретают аллегорические формы, растворяются в художественных образах, бывшая декларативность уступает место художественной правде, где наряду с концепцией власти случая в истории проявляется «тайновидение плоти» и «тайновидение духа». Скепсис Алданова помогает быть сознанию свободным. Его творчество дает урок релятивизма, но не лишает читателя основы, не подрывает моральные устои. Чего хочет Алданов? Чтобы сознание человека не было подчинено какой-либо одной идее, чтобы не быть ослепленным, обманутым, чтобы владеть ситуацией – и жить свободно.

Совершенно необычным может показаться тот факт, что Алданов, оказавшийся в эмиграции, добивавшийся помощи у бывших союзников России для вооруженной борьбы с большевиками, оставался патриотом своей страны, ведь еще в очерках 1922 года он напишет: «Горе тому, кто зовет в свою страну чужеземцев! Мы знаем, для чего мы их зовем. Но кто знает, для чего они к нам идут?» [1, 13], а после вторжения Гитлера в СССР не только будет желать победы советского народа, но создаст целую серию политических рассказов антифашистского содержания.

Алданов не верил в развитие человеческой цивилизации, в возможность ее нравственной эволюции, иначе как объяснить, что войны паталогически ужесточаются, пытки и убийства принимают настолько изысканно-извращенные формы, что становится понятно: человечество всегда готово сделать шаг в прошлое, к варварству, говоря словами современника: «Оппозиция цивилизации и варварства замирает в вопросительном равновесии. Это означает не отрицание цивилизации, но признание, что она неотъемлема от своей оборотной стороны» [12, 149].

При всей масштабности событий, о которых пишет Алданов, – Великая французская революция, революция 1917 г., Первая и Вторая мировые войны, – в его картине мира всегда есть возможность ощутить малое, почти неуловимое – психологию людей, атмосферу событий и простых людей, живущих в этой атмосфере.

Удивительно то, что первое сериальное произведение Алданова (тетралогия «Мыслитель», а именно ее первая часть – роман «Девятое термидора») начинается с описания событий, происходящих на белорусской земле, в Шкловском имении графа Семена Гавриловича Зорича [2, 49]. В самом начале повествования объединяются документальная линия, связанная с раскрытием сюжета реального исторического деятеля, и вымышленная линия, открывающая сюжет молодого красавца Юлия Штааля, которому предстоит сыграть роль маленького человека на фоне важных исторических событий. Тем самым задается хронотоп, позволяющий Алданову быть аналитиком и созерцателем истории, понимать ее по документам и чувствовать ее по эмоциям людей. По иронии литературной судьбы Шкловское имение, до пожалования Зоричу принадлежавшее князьям Чарторыйским, более не пригодилось Алданову. Однако в 1935 г. он напишет очерк «Адам Чарторыйский в России», в котором представит небольшую, но емкую летопись рода Чарторыйских, связанных как с историей Польши, так и с историей России. Таким образом, даже белорусский локус стал основой для выстраивания художественных координат алдановского романа. Благодаря пристрастиям и эрудиции Алданова история и вымысел сплавляются в историко-авантюрное повествование.

Историзм и философичность алдановской прозы, ее занимательность и остросюжетность – черты, которые, с одной стороны, помогают соединить принципы высокой классики с принципами

массовой литературы, а с другой стороны, через эту неоднозначную художественность раскрывается аксиология Алданова.

Мировидение Алданова-эмигранта могло повлиять и на выбор главных героев для повествования. Вымышленные герои, за редким исключением (например, Браун в трилогии или Шелль в романе «Бред»), – это срединные люди, представители толпы. Исторические деятели, даже самые авантюрные и порочные из них, – всегда примечательные, достойные изучения. Герой Алданова – это персонаж, который отличается особым качеством или их многообразием: талантом, небывалой удачливостью, необыкновенной волей, удивительным характером. Но большое притяжение у Алданова – к людям, которые выглядят одинокими, непонятыми, оторванными, подобно «лишним людям» русской классической литературы, подобно эмигрантам, оказавшимся заложниками исторических перемен и безвременья.

Ориентация Алданова на русскую классическую литературу, на наш взгляд, проявилась и в выборе героя, и в рецепции идей, и в работе над стилем. Из всех русских писателей XIX века, рецепция которых наблюдается у Алданова, самые интересные для наблюдений представляют собой контрастирующие традиции Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Алданов и в области поэтики и в области идеологии содержания объединяет эти две противоположные художественные стихии, они по-своему отражаются в его аксиологии и эстетике.

Как уже отмечалось, для выполнения разных художественных задач Алданов избирает как исторических, так и вымышленных героев. Если Толстой «исходит из того, что всего полнее отражает истину человеческой природы человек обыкновенный <...>» [6, 239], то именно в продолжение этой традиции и нужны Алданову вымышленные персонажи. В этом художественный путь Толстого «прямо противоположен пути Достоевского, полагавшего, что как раз человек необыкновенный <...> заключает в себе человеческую природу в наибольшей полноте и ясности <...>» [6, 239]. Алданов же совмещает, казалось бы, не соединимое, он идет по пути Достоевского, изображая исторического героя, чтобы в большей мере представить возможности человеческой природы, воли, проявления талантов, даже отрицательных.

Ф.М. Достоевский на примере своего героя учил, что жизнь надо любить больше, чем смысл жизни. Персонажи Алданова тоже этого хотят, особенно женские персонажи хотят любить жизнь (Муся Кременецкая в трилогии, героини романа «Начало конца», «Живи как хочешь»), но автор испытывает большую любовь к смыслу жизни, и потому его мужским персонажам-атеистам не устроить свое счастье: не завидна участь Штаала, Брауна, Лейдена, Шелля и многих других.

Ситуацию отпадения от веры Толстой представил в «Исповеди». Это же сделал Алданов в своей трилогии (образа Брауна). Толстой не успел пережить всех ужасов хотя бы одной мировой войны, поэтому остался в логичном признании того, что ответы, даваемые верою, имеют преимущество ответов по смыслу. Но именно войны и революции не позволяют алдановским рефлексирующим персонажам найти примирение с собой. Философия случая стала такой спасительной субстанцией, заполняющей внутреннюю пустоту «алдановского» человека.

Толстовский Оленин открывает для себя истину: «Счастье в том, чтобы жить для других <...>». Но герои Алданова и такую истину не познают, разве что Шелль, персонаж «Бреда», неожиданно проявляет готовность жить для любимой, но не успевает ей помочь.

Если считать, что мериллом праведности жизни является отношение к смерти, то герои Алданова не только оказываются в состоянии отрешиться от всего земного, но и ради сохранения человеческого достоинства могут добровольно принять смерть, как это сделала Анна Каренина, и ради сохранения достоинства уходят из жизни в романе «Самоубийство» муж и жена Ласточкины.

И все же, есть та черта, которая при всем различии классиков, объединяет их, а заодно отличает от Алданова: «<...> герои Л.Толстого и Достоевского вырабатывают свои убеждения, ищут и находят связь с вечностью» [9, 18]. Но у Алданова подобного обретения связи с вечностью не обнаруживается: жизнь человека не обретает веры, кроме единственного случая Наташи – персонажа романа «Бред», одного из последних у Алданова. Но и в этом случае Наташа представлена как персонаж, уже уверовавший в бога, приобщения к богу во время событий романа читатель так и не увидит. Можно отметить, что в положительных героях Алданова приготавливается духовная почва для появления веры, но вера так и не прорастает.

Если говорить о стилистике и традициях приемов, то следует отметить, что подобно Толстому в «Войне и мире», Алданов часто использует антитезу внешности и внутреннего содержания: в его изображении красивые люди некрасивы внутри. Действительно, ничего нельзя сделать с тем, что Элен Курагина с её грязной душой внешне прекрасна и достойна чьего-то обожания. Иллюзия, что красота есть добро, разбивается Алдановым и в тетралогии «Мыслитель», и трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», во многих других романах и рассказах. Герои Алданова, так же, как герои Толстого, не пошлы. Но читателю слишком много дано знать о жизни их бессознательного. «Реа-

лирическое изображение личности, проникающее в тайники ее внутренней жизни, исключает идеального героя <...>. У Толстого <...> человек не остается во всех своих сторонах на одном нравственном уровне» [6, 142].

Таким образом, рецепция русской классической литературы в прозе Алданова позволила объединить его аксиологию с мировидением. Содержание творчества Алданова соответствует экзистенциальным запросам современника-эмигранта, пережившего исторические катастрофы и оказавшегося без веры.

Алданов выработал свой, на первый взгляд, эклектичный, но весьма оригинальный стиль – для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков. Этот стиль предполагает объединение приемов Достоевского и Толстого. Алданов преобразовал традиции русской классики, чтобы привлечь к своему творчеству массового читателя эмиграции.

Литература

1. Алданов, М. А. Огонь и дым / М. А. Алданов. – Париж, 1922. – 190 с.
2. Алданов, М. А. Собрание сочинений: В 6 т. / Алданов М. А. – М.: Огонек, 1991. – Т. 1. –
3. Алданов, М. А. Собрание сочинений: В 6 т. / Алданов М. А. – М.: Огонек, 1991. – Т. 2. –
4. Алданов, М. Загадка Толстого / Марк Алданов // Алданов М. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1996. – Кн. 6. – С. 19–140.
5. Берберова, Н. Люди и ложь. Русские масоны XX столетия / Берберова Н. – Харьков: «Калейдоскоп»; М.: «Прогресс-Традиция», 1997. – 400 с.
6. Днепров, В. Идеи времени и формы времени / В. Днепров. – Л.: Советский писатель, 1980. – 598 с.
7. Дронова, Т. И. Марк Алданов / Т. И. Дронова // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: В 3 т.: Т. 1 Кн. 2 / Редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 440–539.
8. Карпович, М. М. [Рец. на кн.:] Алданов М. Истоки. Париж: YMCA-Press, 1950. Т. 1–2 / М. М. Карпович // Новый журнал. 1950. Кн. 24. С. 286–288.
9. Линков, В. Я. Тургенев – писатель социального реализма / В. Я. Линков // Тургеневские чтения: Сб. статей / [Управление культуры Центр. адм. округа г. Москвы; Б-ка-читальня им. И.С. Тургенева; сост. и научн. ред. Е.Г. Петраш]. – М.: Русский путь, 2006. – Вып. 2. – С. 9–27.
10. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина: В 4 т. – М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997.
11. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина: В 4 т. (5–8). – М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2000–2002.
12. Старобинский, Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1 / Жан Старобинский. – М.: Языки слав. культуры, 2002. 496 с.
13. Уральский, М. Молодой Алданов / М. Уральский // Новый журнал. – 2018. – № 292 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html>. – Дата доступа : 30.01.2020.

V.V. Shadursky

Novgorod State University Yaroslav the Wise
e-mail: shadvlad@mail.ru

Values of the writer Mark Aldanov

Key words: Mark Aldanov, emigration, ethical values, worldview, Dostoevsky, Tolstoy.

The article shows how the reception of Russian classical literature of the XIX century helped Aldanov to better express his axiology and worldview in the genre of the novel. The content of Aldanov's novels corresponded to the existential demands of contemporary emigrants who survived historical catastrophes and found themselves without faith.

Aldanov created an eclectic, original style - to portray historical and fictional characters, their ideas, and actions. This style allowed us to combine the techniques of Dostoevsky and Tolstoy. Aldanov transformed the traditions of Russian classical literature in order to attract the mass reader.

К.И. Шарафадина

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
e-mail: belkaklara@mail.ru

В.А. Андреева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
e-mail: anyana@mail.ru

УДК 82-1:76(=161.1)Pushkin

ПРОБЛЕМА ГРАФИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

(на примере изданий А.С. Пушкина)

Ключевые слова: А.С. Пушкин, массовые издания, стихотворные послания, рисунки поэта, графические контексты.